

Болотова Светлана Константиновна,

к.ф.н., доцент кафедры русского языка;

Гусева Любовь Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры русского языка,

ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

г. Ярославль

Bolotova Svetlana Konstantinovna,

Guseva Lyubov Alekseevna,

YSPU after K.D. Ushinsky,

Yaroslavl

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING OF THE WORD AND THE SENTENCE IN THE LEGAL DISCOURSE

Аннотация. В центре внимания находятся сложные для понимания языковые единицы, провоцирующие двойное толкование юридического текста. Разветвленные ряды однородных членов предложения, синтаксические конструкции пояснения могут быть источником некорректной интерпретации закона. В языке права, нацеленном на передачу точной и определенной информации, любая двусмысленность является речевой ошибкой и понижает эффективность коммуникации в правовом поле. По мнению авторов статьи, необходимость изучения лексико-грамматических аспектов современного русского языка гражданами России обусловлена совершенствованием судебно-правовой системы государства.

Abstract: In the center of attention there are language units, difficult for understanding, provoking double interpretation of the legal text. Branched ranks of homogeneous parts of the sentence, syntactic designs of the explanation can be a source of incorrect interpretation of the law. In the right language aimed at transfer of exact and certain information, any ambiguity is a speech mistake and lowers efficiency of communication in the legal framework. According to authors of article, need of studying of lexical and grammatical aspects of modern Russian by citizens of Russia is caused by improvement of judicial and legal system of the state.

Ключевые слова: юридический дискурс, язык права, семантика слова, семантика предложения, проблема понимания, синтаксическая конструкция, однородные члены предложения, синтаксические отношения пояснения и включения.

Keywords: right language, legal discourse, semantics of word, semantics of sentence, understanding problem, syntactic construction, homogeneous parts of the sentence, syntactic relations of the explanation and inclusion.

Знаменитый римский юрист Гай во II в. н.э. вспоминал, как простая оговорка привела к тому, что истец проиграл процесс: гражданин, обратившийся в суд с иском о компенсации материального ущерба, так как у него было погублено несколько виноградных кустов, проиграл процесс, по ошибке произнеся вместо слова «кусты» слово «деревья» (*de vitibus succisis* (срубил деревья) вместо *de arboribus succisis*) [1, с. 75]. История цивилизации знает массу других примеров скрупулезно внимательного отношения участников юридического диалога к мельчайшим единицам речи. В комедии П.О. Карона де Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в сцене суда (3 действие, 15 явление) возникает спор между Бартоло – защитником истицы Марселины, настаивающей на выплате долга и женитьбе, и главным героем. Предметом спора выступает маленькое слово – союз, способный принципиально изменить смысл написанного (или сказанного): Фигаро. *Я должен заметить, господа, что то ли предумышленно, то ли по ошибке, то ли по рассеянности текст был прочитан неверно, ибо в тексте не сказано «какую сумму обязуюсь возратить ей и жениться на ней», а сказано «какую сумму обязуюсь возратить ей или жениться на ней»* [3, с. 277].

В качестве лингвистической задачи для школьной олимпиады по русскому языку можно предложить вопрос, который некогда реально возник у заказчика и подрядчика строительства гаражей: *сколько надо построить гаражей, если в договоре сказано «три спаренных гаража»?*

Эти и другие истории, подлинные или вымышленные, свидетельствуют о том, как велико значение слова в языке права. Юридический документ – это текст, смысл которого складывается из значений употребленных в нем лексических единиц. Следует корректно использовать не только

знаменательные слова (как специальные термины права, так и слова общеупотребительные), но и служебные.

Оставляя в стороне юридическую составляющую, мы хотим остановиться на собственно лингвистическом аспекте восприятия и понимания текста юридического документа, в частности – текста закона.

Сложная синтаксическая структура законодательной дефиниции может привести к ее неоднозначной интерпретации. Например, в ФЗ 73 от 2002 года читаем: «Зона охраняемого природного ландшафта – территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоёмы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культуры» [9]. Вторая предикативная часть данного предложения представляет собой многоуровневую систему однородных рядов, осложненную распространенными определениями. В такой непрозрачной «цепочке синтаксических связей» могут обнаружиться так называемые двойные связи, которые маркируют грамматическую ошибку или языковую игру – то и другое недопустимо в законодательном тексте. Заинтересованный землевладелец усмотрел в этом предложении некую лагуну, якобы позволяющую вывести за рамки запрещенных видов деятельности *строительство нового здания*, поскольку в данном тексте прямо названы только *существующие здания и сооружения*. Действительно, при собственно лингвистическом анализе можно у однородных членов *строительство и реконструкция* усмотреть наличие общего распространителя – *существующих зданий*. Хотя длинные однородные ряды с активным распространением являются грамматической формой, привычной для официально-делового стиля, однако они чреватны нарушением норм русского литературного языка. Юристам стоит вспоминать лингвистическую задачу: *найди в предложении 1000 смыслов*[10, с.227-228],

чтобы тексты документов в силу точности формулировок не напоминали эту детскую игру.

Законодательный текст, к сожалению, не всегда безупречен с лингвистической точки зрения. Но важна и лингвистическая компетентность того, кто пользуется этим текстом, компетентность адресата. Осмысление юридического текста требует глубоких лингвистических знаний. Консультативная или экспертная помощь специалиста-языковеда помогает разрешать спорные вопросы в досудебном порядке. Если же избежать обращения в суд не удастся, судебные органы также используют лингвистическую экспертную поддержку.

В практике нередко встречаются разночтения при интерпретации статей закона. Одной из причин действительно может быть дефектность самого юридического текста, такие его недостатки, как нарушение требований точности, однозначности, ясности, несоблюдение структурно-языковых норм и пр. Однако причиной коммуникативных неудач часто становится отсутствие необходимого уровня языковой культуры, лингвистическая некомпетентность участников правовых отношений, неадекватно осмысливающих ту или иную формулировку в тексте нормативного документа.

В нашей практике был случай двоякого толкования текста Жилищного Кодекса РФ. В части 2 статьи 23 «Порядок перевода жилого помещения в нежилое помещение и нежилого помещения в жилое помещение» приводится перечень документов, необходимых для представления при принятии решения по названному вопросу. Предметом разногласий стало словосочетание *поэтажный план дома*, смысл которого был истолкован участниками правоотношений по-разному. Муниципальный орган, принимавший решение о переводе, запрашивал поэтажный план всего дома. Заявитель настаивал на том, что достаточно представить план только того этажа, на котором предполагается перевод. Сложность толкования в данном случае обусловлена и тем, что в толковых словарях лексема *поэтажный* отсутствует [7, 8]. Для разрешения разногласий потребовалась помощь лингвиста. На основании

словообразовательного анализа прилагательного *поэтажный*, а также с привлечением ближайшего контекста спорного языкового выражения (ч. 3 ст. 22 Жилищного Кодекса РФ) было сделано заключение, что смыслу текста статьи соответствует первая точка зрения.

Другой пример разночтений также касается текста Жилищного Кодекса РФ. В связи с установлением собственника помещений в жилом доме возникла проблема правильного толкования смысла ст.36 Жилищного Кодекса РФ, что потребовало специальных разъяснений. В ч.1 ст.36 «Право собственности на общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме» используется предложение, включающее осложняющую синтаксическую конструкцию (обособленный оборот), вводимую выражением *в том числе*: «Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы) <...>» [2]. Распространяется ли право собственности на *колясочную* или *сушилку*, которые в данном фрагменте прямо не обозначены? Для ответа на этот вопрос следует более подробно проанализировать семантику оборота *в том числе*.

В «Русской грамматике» рассматриваемая конструкция квалифицируется как синтаксический ряд, члены которого находятся друг с другом в пояснительных отношениях. Различаются три вида пояснительных отношений: собственно пояснение, включение и уточнение. При собственно пояснении «два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету», «при этом первый и второй члены или дают разные названия одному и тому же (союзы *то есть, или*) или первый член ряда уточняется, конкретизируется вторым (союзы *а именно, именно*), или, наконец, второй член ряда служит раскрывающим

перечнем (союзы *a именно, как то, будь то*). В последнем случае общее, названное обобщающим словом, раскрывается путем перечня его конкретных видов» [6, с. 173-175]. При собственно пояснительных смысловых отношениях объемы первого и второго понятий равны. Рассматриваемая конструкция не относится к указанному виду.

«Включение – это отношение общего и частного: второй член ряда называет то, что входит в состав первого. Включение оформляется: 1) словами, специально служащими для выражения отношений общего и частного: *например (скажем, положим), к примеру, в частности, в том числе* (последнее – только в рядах этого типа); 2) словами, имеющими выделительную функцию, такими, как *особенно, в особенности, в первую очередь, прежде всего, преимущественно*» и т.д. В «Русской грамматике» оборот «*в том числе*» отнесен к разряду средств связи «специально служащих для выражения отношений общего и частного, наряду со словами *например (скажем, положим), к примеру, в частности* [6, с. 175]. Таким образом, при использовании в качестве средства связи оборота *в том числе* объемы понятий первого и второго членов ряда, относящихся друг к другу как общее и частное, принципиально не могут совпадать. В рассматриваемой конструкции общее понятие выражено существительным *помещения*, частное – приводимым в примере перечнем, который не равен по объему первому понятию (не исчерпывает его).

Фрагмент предложения, вводимый словами *в том числе*, в справочной литературе квалифицируется и как присоединительная конструкция, которая содержит «дополнительные замечания или разъяснения, вводимые в середину или конец предложения. Такие конструкции обычно присоединяются словами *даже, особенно, в особенности, например, главным образом, в частности, в том числе, притом* и др.» [5]. И в этом случае тип рассматриваемой нами синтаксической конструкции противопоставляется конструкциям с пояснительными отношениями, в которых предполагается равенство объемов поясняемого и поясняющего членов: «пояснение – это обозначение одного и

того же понятия другими словами» [5; с. 87]. Следовательно, перечень объектов, включенный в рассматриваемое предложение, не является исчерпывающим для раскрытия объема обобщенного понятия «помещения в данном доме» и допускает продолжение, несмотря на то, что специальные указания на такое продолжение в тексте отсутствуют.

Как видим, даже в том случае, если лингвистическое качество текста закона безусловно, сохраняется вероятность, что смысл может быть искажен при восприятии. Избежать этой опасности можно путем совершенствования лингвистического образования. Приведенные примеры еще раз доказывают, что лингвистическая компетентность и речевая культура всех граждан современного российского общества непосредственно влияет на эффективность коммуникации в сфере права. «Учить русский язык», – это не просто благое пожелание кабинетных ученых-лингвистов, а одно из условий полноценного функционирования правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннерс Э. *История европейского права*. – М., 1996.
2. *Жилищный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.
3. Карон де Бомарше П.О. *Безумный день, или Женитьба Фигаро* / Перевод Н.М. Любимова // Бомарше. *Избранные произведения*. – Т.1. *Театр*. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1966.
4. *Краткая русская грамматика* / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Рус. яз. – 1989.
5. Розенталь Д.Э. *Справочник по пунктуации*. – М., 1984.
6. *Русская грамматика*. – Т.2. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980.
7. *Современный толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 900 с.
8. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН. *Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова*. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.

«Наука и образование: новое время» № 5, 2016

9. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуру) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.
10. Энциклопедия для детей. – Т.10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксенова. – М.: Аванта+, 2002. – 704 с.